

АННЕ БУЛИЧ

**Где мои шестнадцать лет,
точёная фигурка,
перетянутый корсет,
колоколом юбка?
Где нездешняя любовь
яростной задумки?..
Грозный рык прошедших львов
не слышать за дымкой.**

Попробуйте по стихам дать психологический портрет автора. Корсет, юбка-колокол – это мода, по меньшей мере – 50-х годов прошлого века. И ностальгия по юности.

Невозможно поверить, что автору самому на момент написания текста – 16 лет, и нет никакого серьезного прошлого. Может, это геномный опыт краковской прабабушки, музицирующей и поющей чувственные романсы? А двоюродная сестра прабабки – Булич Вера, жившая в Финляндии, в 1934 году выпустила стихотворный сборник «Маятник». В этом аристократическом роду дар ясновидения передавался почему-то лишь по женской линии.

Почему неистовый графоман так и не научится до конца жизни слагать настоящие вирши, а некий подросток с первой попытки преодолевает высоту?

Это и есть тайна поэзии, суть которая не наработанная (хотя Николай Гумилев грозился из каждой кухарки слепить приличного стихотворца), а врожденная. Особенный поэтический слух сродни музыкальному. Если есть чувство соразмерности и спряжения слов казалось бы неспрягаемых, то остальное приложится. Приложится как тема или, наконец, сама Судьба.

Кем будет Анне Булич? детским ли поэтом или поэтом большего диапазона – сегодня предугадать сложно; но то, что она поэт по праву рождения – это несомненно. Еще одно явление на нескудеющей абшеронской почве – выжженной жгучим солнцем, просоленной морем и ветром, и сдобренной бескорыстным прахом поэтического прошлого.

Марат Шафиев, член Союза писателей Азербайджана.

**Поиграем в «классы»:
первый и второй,
потрясем у кассы
сумочкой пустой.
А в вагоне общем
стыдно личных слез;
поле перетопчем
ножками колес.
На чуток присядем,
но не прозевая
выпускной десятый,
выход через рай.**

Моей тете – Булич Вере

Санкт-Петербург и Белый
тебя провожает домой,
хрустит под шагами снег белый,
от белизны сам не свой.

Стихами насыщен воздух:
рифмуется гением вслух
сирень и нездешние звезды –
ядренный и сочный дух!

Мост разведен.

И Невою,
скованной крепким льдом,
вы, скоротав путь невольный,
входите в мраморный дом.

Муфтой согреты руки
и поцелуем – глаза...
Выпали крестные муки,
над Финским вокзалом – гроза.

Ломом железным лед сколют –
талой водой шумит.
Смешанный с грязью осколок
серебряной нитью прошит.

Кормление воробья

Слёзы замерзают на щеке,
в снег смахну я капельки жемчужин;
воробьишка ищет корм вотще –
подбери мою слезу на ужин.
Я сыта по горло жизнью всей,
на губах горчит от поцелуев –
подкрепись надеждой, воробей,
по весне мы снова загарцуем.
По весне нам снова гнёзда вить,
крошками от пиршества питаться.
Песенкой твоею, может быть,
буду я ещё не раз спастись.

Не бойся уходить.
не боюсь,
не побегу за уходящей тенью.
Останется лишь тоненькая грусть –
и ею так сподручно резать вены.

